

Созинова К. А. «Следы моих слез останутся на этой бумаге ...»: письма Елизаветы Стивенс М. М. Сперанскому / К. А. Созинова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 412—427. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427.

Sozinova, K. A. (2020). “Traces of my tears will remain on this paper ...”: Letters from Elizabeth Stephens to M. M. Speransky. *Nauchnyi dialog*, 8: 412-427. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427. (In Russ.).

УДК 929Сперанский+929Стивенс
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-412-427

«СЛЕДЫ МОИХ СЛЕЗ ОСТАНУТСЯ НА ЭТОЙ БУМАГЕ ...»: ПИСЬМА ЕЛИЗАВЕТЫ СТИВЕНС М. М. СПЕРАНСКОМУ¹

© Созинова Ксения Андреевна (2020), orcid.org/0000-0002-6980-5881, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения, Уральский гуманитарный институт, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), k.a.sozinova@urfu.ru.

Автор статьи исходит из того, что межгосударственные отношения России и Великобритании в конце XVIII — начале XIX веков во многом определяли область частных контактов русских и англичан. Отмечается, что особое место в истории англо-русских отношений занимают англо-русские браки. Уделяется внимание одному из подобных союзов — браку выдающегося государственного деятеля М. М. Сперанского с англичанкой Элизабет Стивенс. Утверждается, что значительную роль в судьбе Сперанского сыграл А. А. Самборский, также женатый на англичанке, в доме которого и произошла судьбоносная встреча Сперанского с будущей женой. Сообщается, что в фонде Сперанского Российской национальной библиотеки сохранились письма Элизабет (Елизаветы) Стивенс к Сперанскому, ранее широко не привлекаемые исследователями, однако не все из этих писем в действительности принадлежат Элизабет, часть из них принадлежит ее сестре — Марианне. В данном исследовании впервые приводится перевод данных писем для анализа частной жизни Сперанского. Автором делается вывод о том, что сохранившаяся переписка отвечает стандартам и способам проявления чувств в эпоху «сентиментализма». Также рассматривается вопрос о том, насколько Сперанский был погружен в культурный контекст британской действительности благодаря этому браку. Несмотря на то, что брак был достаточно коротким, связь Сперанского с семейством Стивенсов оказалась достаточно прочной.

Ключевые слова: история России; история Великобритании; англо-русские браки; М. М. Сперанский; А. А. Самборский; Елизавета Стивенс; Марианна Стивенс; история повседневности.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемени (XVII—XVIII вв.)).

1. Англо-русские отношения в XVIII — начале XIX веков: историография вопроса

Англо-русские отношения имеют достаточно длительную историю. Огромное влияние на межгосударственные отношения двух стран в конце XVIII — начале XIX веков оказывали частные контакты русских и англичан. Англо-русские контакты характеризовались не только устойчивыми дипломатическими отношениями и интенсивным обменом специалистами, изучением интеллектуального опыта и появлением многочисленных травелогов, написанных англичанами о России и русскими о Британии, но и англо-русскими браками, которые заключались среди людей, связанных с государственной службой. Такие глубокие связи двух культур в XVIII веке способствовали их взаимопроникновению и обогащению. Англо-русские семейные союзы раскрывают область частного в англо-русских отношениях, и одним из примеров таких союзов является брак известного государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского (1772—1839) с англичанкой Элизабет (Елизаветой) Стивенс.

Исследование англо-русских связей как в отечественной, так и в зарубежной историографии имеет достаточно длительную и богатую историю. Начало этим исследованиям было положено еще в конце XIX — начале XX веков — это работы В. И. Александренко, Ф. Ф. Мартенса [Александренко, 1897; Мартенс, 1892]. Огромный вклад в изучение англо-русских отношений XVIII—XIX веков внесли современные исследования В. В. Высоковой, А. Ю. Ануфриевой, Т. Л. Лабутиной, А. Б. Соколова [Высокова и др., 2006; Лабутина, 2013; Соколов, 1992]. В британской историографии отдельного внимания заслуживают фундаментальные труды Э. Кросса, в центре внимания которых исследование сферы «частного» в англо-русских отношениях в XVIII — начале XIX вв. [Кросс, 1996; Cross, 1996]. Однако тема англо-русских браков и «частного» до сих пор остается в тени «публичного» в отношениях России и Британии.

В отечественной историографии существует обширный корпус работ, посвященных государственной деятельности самого М. М. Сперанского, но к его частной жизни исследователи обращались достаточно фрагментарно, и ее освещению отводилось мало места. Наибольший вклад в этом отношении внесла дореволюционная работа М. А. Корфа [Корф, 1861], где автором выделяется несколько периодов частной жизни Сперанского. Особый интерес для нас представляет первый период, до кончины Павла I (недолгий брак с Элизабет Стивенс, рождение дочери), и второй — с 1801 по 1812 годы. Из современных биографических исследований, где раскрывается не только реформаторская жизнь Сперанского, но и его

частная жизнь, можно отметить работы Н. В. Минаевой и В. А. Томсинова, [Минаева, 2009; Томсинов, 2003]. Кросс-культурные связи Британии и России также рассматривались сквозь призму деятельности иностранных гувернанток в России в XVIII—XIX веках, в частности, к судьбе Стивенс-старшей (матери Элизабет) обращалась в своей работе О. Ю. Солодянкина [Solodyankina, 2018].

Важное место в настоящем исследовании занимает относительно новое течение в социальной истории — история эмоций. Отношения Сперанского с молодой супругой — богатая почва для оценки влияния положения в обществе, гендерной принадлежности и возраста в России на складывающийся эмоциональный опыт, способы проявления чувств и «эмоциональные стандарты» конца XVIII века. В этом русле классическим исследованием является работа Б. Розенвейн [Rosenwein, 2006] об «эмоциональных сообществах» в эпоху Средних веков, а также У. Редди «Навигация эмоций» [Reddy, 2001] с его политической концепцией сентиментализма. Анализу феномена меланхолии и ее роли в западной культуре посвящено исследование К. Юханнисон. Она рассматривает структуры чувств, подчеркивая их классовую и гендерную обусловленность и указывая, что «распространению меланхолии способствовали салонная культура и традиции эпистолярного жанра — письма и дневники носили participatory характер и выполняли в определенных кругах функцию современных блогов» [Юханнисон, 2019, с. 11]. В отечественной историографии данная проблематика нашла свое отражение в исследованиях А. Л. Зорина. В статье «Разлука с семьей в 1797 г.: двойная идентичность Михаила Муравьева» анализируются индивидуальные переживания Муравьева, дающие представление о сосуществовании в сознании героя статьи «служебного» и сентименталистского кодексов. Автором поднимается вопрос о том, «насколько мирно в эмоциональном репертуаре Муравьева уживались друг с другом матрицы, характерные для русского дворянина на царской службе и европейского сентименталиста и писателя» [Зорин, 2011]. Схожие проблемы, хоть и в меньшей мере, преследовали и Сперанского.

2. Англо-русские браки: М. М. Сперанский и Э. Стивенс

Немалое участие в судьбе Сперанского принял Андрей Афанасьевич Самборский (1732—1815). С его фигурой, в первую очередь, связана деятельность посольской церкви в Лондоне, где Самборский с 1769 по 1779 годы занимал место настоятеля. Данная церковь при русском посольстве, официально носившая название Православная греко-российская церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, была открыта еще

в 1716 году. Именно вокруг нее сосредоточилась частная жизнь русских подданных в Лондоне. Самборский поддерживал дружеские отношения со многими известными англичанами. Он был знаком с Артуром Янгом и Джереми Бентамом [Высокова, 2006, с. 327].

С другой стороны, англичане также имели возможность отправлять культ англиканской церкви в России, при британском посольстве в Петербурге состоял капеллан. В своем исследовании В. В. Высокова указывает, что «в Москве по полицейским ведомостям о числе жителей города за 1811 г. насчитывалось 188 британцев обоого пола (111 мужчин и 77 женщин). В Москву, как и Петербург, приезжали купцы, предприниматели, техники, ремесленники, садовники, конюхи, гувернеры, доктора и специалисты в различных областях сельского хозяйства. Протестантская колония старалась держаться вместе в районе улиц Мясницкой, Басманной и Лефортовской» [Высокова, 2006, с. 328].

Следует отметить, что сам Самборский выбрал себе в супруги англичанку Елизавету Филдинг, сироту. Дозволения на заключение брака ему пришлось испрашивать у Святейшего Синода, одним из условий которого был переход невесты в православную веру. Все формальности были достаточно быстро соблюдены, и уже в 1768 году состоялось венчание. Адмиралы Н. С. Мордвинов (1754—1845) и П. В. Чичагов (1767—1849) также связали свою судьбу с англичанками и являют еще один из примеров счастливого англо-русского брака. Так, Н. С. Мордвинов в 1784 году женился на Генриэтте Коблей, а Чичагов в 1799 году заключил брак с Элизабет Проби.

В конце XVIII века сформировалась целая интеллектуальная сеть англоманов в России, в центре которой находились: А. А. Самборский, М. М. Сперанский, В. Ф. Малиновский (первый директор Царскосельского лицея). Последний был женат на дочери А. А. Самборского — Софии (1772—1812), наполовину англичанке. Кроме этого, жизненный путь Малиновского был также связан с туманным Альбионом, в 1789—1791 годах он состоял переводчиком при русской миссии в Лондоне. Следует упомянуть и русских путешественников — дворян, после указа о вольностях дворянских (1762) и Жалованной грамоты (1785) получивших широкие возможности для зарубежных поездок, чаще всего включающие именно Англию. Среди этого круга приближенных ко двору интеллектуалов и интеллектуалок были княгиня Е. Р. Дашкова (1743—1810), В. Г. Орлов (1743—1831), А. Б. Куракин (1752—1818) и т. д. Служилое дворянство, связанное с литературным творчеством, также достаточно часто избирало Англию в числе стран для большого заграничного путешествия: Н. М. Карамзин (1766—1826), П. И. Макаров (1765—1805) и т. д. Данный круг лиц можно расширять и далее, но

очевидно, что, несмотря на внешнеполитические обстоятельства и, казалось бы, распространенное в конце XVIII века франкофильство, русские интеллектуалы неизменно отдавали свои симпатии туманному Альбиону. В связи с этим и англо-русские браки были предсказуемым следствием живого интереса, проявляемого нашими соотечественниками к Англии. И следует отметить, что данный интерес был симметричным.

Как уже упоминалось выше, М. М. Сперанский был связан тесной дружбой с Самборским. Сохранилось письмо от 16 июня 1788 года, написанное тогда еще студентом духовного училища Сперанским к Самборскому, где он просит походатайствовать о переводе его в Московский университет, так как «желательно слушать богословие в месте изучения французского языка и математических занятий науками, которых в семинарии не преподают» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 1934, л. 1], но «Архипастор мой этому моему желанию исполниться не дозволит» [Там же, л. 2]. Именно на ужине в доме у Самборского летом 1797 года он встретился с будущей женой — Элизабет Стивенс, дочерью англиканского пастора.

Корф указывает, что Самборский, еще находясь в Лондоне, сошелся близко со швейцарским семейством Планта, издавна поселившимся в Англии и состоявшим на момент знакомства из двух братьев и четырех сестер. Один брат жил как частное лицо, «другой был инспектором Британского музея и написал историю Швейцарии <...> Из четырех сестер, старшая, после замужества, переселилась в Америку; вторая — была надзирательницей при Английских принцессах, дочерях Георга III; третья, болезненная, находилась помощницею при второй» [Корф, 1861, с. 67]. Четвертая — Елизавета Андреевна (как после называли ее в России), прекрасно образованная и привлекательная женщина, — обладала неуживчивым нравом. Уровень ее образованности соответствовал тогдашним представлениям о женском образовании в позднегеоргианской Англии. Она владела французским, итальянским и английским языками, была музыкальна (умела играть на арфе, пела и сочиняла музыку), что позволяло ее родственникам надеяться, что она в дальнейшем составит прекрасную партию не менее блистательному молодому человеку. Однако она имела неосторожность связать свою судьбу с приходским священником — Генри Стивенсом (Henry Stephens), обвенчавшись с ним против воли своих братьев. Елизавета Планта совершила достаточно смелый, но безрассудный поступок, отдав предпочтение буржуазному браку по любви. Столь незавидное положение Елизаветы Стивенс ухудшилось, когда в 1789 году умер ее супруг, оставив ее одну с тремя детьми (две дочери, Елизавета и Марианна, и сын Фрэнсис). В этой непростой ситуации один из братьев сыграл значительную

роль в последующем устройстве судьбы сестры. Джозеф Планта написал Самборскому из Лондона (12 января 1790 года) с просьбой пристроить его младшую сестру, ставшую вдовой: «Вы наверно ее помните, она одарена была музыкальными талантами. Муж умер шесть месяцев назад и оставил ее и ее детей в бедственном положении» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2323, л. 1]. Уже в следующем письме от 10 августа 1790 года он благодарит Самборского за участие в судьбе сестры и заверяет: «Когда ваш сын будет в городе, я готов оказать ему всяческую поддержку и любую услугу» [Там же, л. 3].

Полученное в молодости образование открыло возможность Елизавете претендовать на должность гувернантки при знатной семье. Покровительство Самборского позволило ей в 1790 году поступить на службу в один из самых знатных домов в России — к графу Андрею Петровичу Шувалову. Она стала гувернанткой при младшей дочери графа — Александре. Елизавета быстро смогла завоевать доверие как у супруги Шувалова, так и своих подопечных и выписать своих детей из Англии, где они оставались под присмотром няни, мисс Джойс [Корф, 1861, с. 69]. По прибытии в Петербург они еще какое-то время жили в доме своей няни, а затем девочки были определены в частный пансион. Графиня Шувалова взяла на себя покровительство над старшей сестрой. Так, Елизавета стала частым гостем как в доме Шуваловых, так и Самборского, где и произошла ее первая встреча с молодым Сперанским.

Он с первого взгляда влюбился в эту 16-летнюю девушку. Судьбоносная встреча произошла в Павловске на ужине у А. А. Самборского в конце лета 1797 года. Как и ее мать, она была достаточно образованна, была обучена французскому языку. Постигание же русского языка она, судя по всему, начала уже в браке со Сперанским, что следует из их переписки, которая велась на французском языке. Так, в конце письма от 8 сентября 1799 года Елизавета уже пишет на русском, хоть и с небольшими грамматическими погрешностями: «... сколько мне скушно без тебя и сколько я желаю быть опять с тобой, ты обещался быть суда зафтра, теперь 6 часов от 6 часов до завра 4 можит в 5 остается 23 часа, а как много время надо чтобы проводила без тебя, друг мой сердечный и любезный — приезжай поскорее к нам, с каким удовольствием я с тобой увижусь» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2171, л. 10]. В конце письма стоит приписка также на русском — «верная Лизанка». Благодаря Елизавете и сам Сперанский выучил английский язык, хотя в историографии до сих пор ведутся споры о том, имел ли этот факт место в действительности или он владел лишь несколькими разговорными фразами. М. А. Корф указывает на то, что Сперанский мог на нем и писать, и свободно изъясняться [Корф, 1861, с. 74]. Если обратиться

к содержанию бумаг самого Сперанского, то можно встретить множество выписок из трудов англичан: Аддисона, Джонсона, Свифта [РНБ, ф. 731, ед. хр. 894, 37 лл.]. Кроме того, встречается много выписок из «Эдинбург ревью» [Там же, ед. хр. 898, л. 1; Там же, ед. хр. 899, лл. 1—2]. Очевидно, что взгляды Сперанского на государство и право складывались в числе прочего и под воздействием англосаксонской общественно-правовой мысли. Кроме того, Сперанский активно интересовался и вопросами теологии, обращаясь к трудам английских богословов.

Сперанскому, как и Самборскому, пришлось испрашивать разрешения на бракосочетание с иностранкой. Так, 25 октября 1798 года было подано прошение на имя императора Павла: «Прошу, милостивый государь, приказать изготовить указ на имя Сампсониевского иерея, ежели можно, завтра к полудню ... совокупиться законным первым браком состоящем в Реформатском законе к лютеранскому закону не склоняется» [Там же, ед. хр. 2, л. 5]. В сведениях о своей невесте Сперанский указал, что «от роду ей семнадцать лет, родилась в Англии в герцогстве Нортумберландском близ городка Гексама. Отец ее английский пастор Генрих Стивенс помере, мать Анна Елизавета Стивенс находится в живых» [Там же]. 29 октября 1798 года был получен указ за номером 2278 и уже 3 ноября 1798 года в метрической книге Самсоньевской церкви, что на Выборской стороне под № 19 [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2, л. 2] появилась запись о венчании первым браком Елизаветы Стивенс и М. М. Сперанского. Бракосочетание состоялось в конце 1798 года. Дореволюционный историк С. Н. Южаков, говоря о браке Сперанского, с горечью отмечает, что «... в эти последние годы императора Павла <...> Сперанский был уже на такой дороге, что мог рассчитывать на самую блестящую будущность, а, следовательно, и на блестящую партию, которая укрепила бы его положение, дала бы ему, безродному попovichу, связи и опору в чиновном и сановном мире. Сперанский же женился по любви на бедной англичанке Елисавете Андреевне Стивенс, дочери гувернантки, без связей и состояния» [Южаков, 1892, с. 19].

5 сентября 1799 года у них родилась дочь. По роковому стечению обстоятельств молодая жена Сперанского умерла вскоре после родов от чахотки (6 ноября 1799 года), девочку назвали в честь матери Елизаветой. В качестве основной причины развития чахотки биографы М. М. Сперанского ссылаются на его подарок невесте в честь помолвки — массивные карманные часы, которые она носила на цепочке. В результате несчастного случая карета, на которой Елизавета с матерью отправились в гости к графине Дитрихштейн, опрокинулась, «девушка упала на ту сторону, где висели у нее часы, и их с такою силою вдавило ей в грудь, что они в ту

же минуту остановились» [Корф, 1861, с. 75]. Последствия данной травмы она скрыла от мужа.

Удивительно, что в одном из писем Елизаветы уже прочитывается предчувствие скорой смерти. Она пишет:

«Забыла вам сказать, что весь вчерашний день я провела в постели, чувствуя себя просто ужасно — не слишком забавная новость. А книги господина Ц. (видимо, речь идет о Цейере.¹ — К. С.) были мне очень полезны. Читая одну из них, «Могилы» Харви, я не смогла сдержать слезы при описании смерти отца семейства. Мне казалось, я увидела смерть и своего отца тоже. О, как он мне нравится, какой великий человек этот Харви, какой мыслитель! Его манера описывать одновременно и настоящая, и такая трогательная, что никогда не научишься ей сопротивляться. Помните могилу того юноши, который собирался жениться?.. Если я потеряю вас, у меня больше ничего не останется на этом свете, и честное слово, моя партия в таком случае сыграна. Я знаю, что бы стала делать — все, что приносило бы мне удовольствие, до тех пор, пока это не стало бы невыносимым. Может, я и правда сошла с ума, но я ему верю, и думаю, следы от моих слез останутся на этой бумаге. Пускай, будь что будет. И снова повторюсь, какой великий человек Харви, разве можно не прочитать его творение еще и на английском.

Прошлой ночью мне снился отец, снилось, что я увидела его и бросилась к нему в объятия. Ощущение смерти так и не покинуло мою душу. Сон был восхитительным, самым сладким, что я когда-либо чувствовала в своей жизни. Но увы, это был лишь сон, и мне никогда больше не почувствовать подобного. От этой мысли я вновь чувствую слезы, но восхитительные слезы — вот бы они никогда не иссякли...» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2171, л. 10].

Известно, что 6 ноября 1799 года Елизавета скоропостижно скончалась, тем удивительнее выглядят последние строки одного из писем, написанные под впечатлением от прочтения трактата «Размышления среди могил» (1746) английского священника и писателя преподобного Джеймса Харви (1714—1758) [Hervey, 1748]. «Размышления» выдержали пятнадцать переизданий в XVIII веке в Лондоне [Parisot, 2014, р. 121]. Собрание «Размышления и созерцания» (1748), включавшее данный трактат, также стало бестселлером и к концу века достигло двадцати шести изданий [Parisot, 2014, р. 122]. Трактат Харви является важным связующим звеном

¹ Франц Иванович Цейер работал под началом Сперанского, живя его жизнью на протяжении более тридцати лет. Был и хозяйкой, и нянькой, и почти слугою своего покровителя. Знал французский язык [подробнее см.: Корф, 1861, с. 84].

между текстами, написанными в русле реформационной теологии, и зарождающимся сентиментализмом в английской литературе, поскольку в нем по-новому рассматриваются представления о смерти и загробной жизни. В данном письме ясно прослеживается основной эмоциональный регистр сентиментального письма, который обычно задается разлукой автора с близкими, с супругом [Зорин, 2011]. Все письмо пронизано трагичными нотками, периоды разлуки с любимым неизменно тяготят юную Елизавету, в письме тесно переплелась любовь и меланхолия. Прочитывается состояние глубокой подавленности и погружение в мир чувств и тонких ощущений. Именно так К. Юханнисон [Юханнисон, 2019, с. 21] характеризует меланхолию Нового времени. Елизавета постоянно подчеркивает свои переживания, начиная с них запись каждого нового дня в письме: «Суббота, 4 сентября. Бог мой, как же тянутся дни ... и с каким отчаянием я жду, когда они закончатся. Каждое утро, когда я просыпаюсь, думаю лишь о том, как вечером пойду спать. Вот какие мысли, мой дорогой друг, занимают меня почти всегда с тех пор, как вы уехали. И точно так же прошла пятница и практически весь сегодняшний день, ведь уже скоро пора ложиться. А так как я имею удовольствие писать вам, думаю лишь о том, что чем позже я лягу, тем позже завтра проснусь, а значит, времени останется чуть меньше. В пятницу, как вы могли догадаться, у меня совсем не было настроения» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2171, л. 9].

Сперанский тяжело пережил потерю жены. В его поведении проявились черты, столь характерные для «эпохи чувствительности», — период краткого торжества эмоций над разумом. Узнав о смерти супруги, он лишь оставил записку, в которой нарекал дочь именем матери, и исчез. Несколько недель он не возвращался домой. Сам он так описал свое состояние: «И время меня не утешает. Вот третья неделя наступает, как я проснулся, и горести мои каждый день возрастают по мере того, как я обнимаю ужас моего состояния <...> Жестокое дитя, немилосердные друзья; один удар, одно мгновение, и я бы разложился. Прах мой смешался бы с нею» [Цит. по: Корф, 1861, с. 76—77]. Под воздействием захлестнувших его эмоций Сперанский полностью выпал из жизни, пренебрегая обществом, службой и долгом перед новорожденной дочерью. Если судить по тексту письма, не исключено, что была предпринята даже попытка самоубийства, от которой Сперанского удержали друзья. Столь яркое проявление эмоций коррелирует с общим духом эпохи сентиментализма, возвышающего человеческие страдания. В этот же «поведенческий стереотип» вписывается и дальнейшая судьба Сперанского, образ вдовца, потерявшего единственную любовь и посвятившего всю свою дальнейшую жизнь заботам о дочери.

Здесь отчетливо видна эстетизация главной эмоции эпохи — меланхолии. К. Юханнисон подчеркивает, что для человека Нового времени «горение души становится стилем жизни, выбранным по контрасту с отвратительной легкостью существования» [Юханнисон, 2019, с. 44]. Чувство утраты было успешно конвертировано Сперанским в культурный капитал — законотворческую деятельность.

3. Фонд М. М. Сперанского: письма Елизаветы Стивенс к мужу

Личная переписка Сперанского хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде М. М. Сперанского (Ф. 731. Ед. хр. 2171. Стивенс Елизавета, невеста, а потом жена М. М. Сперанского. Письма (21) М. М. Сперанскому. 22 июня 1800 г. и б.д. На франц. яз. 40 лл.). Свои письма к Елизавете Сперанский уничтожил после ее смерти, остались лишь те, что писала сама Елизавета. В 1857 году его дочь Елизавета Михайловна передала все оставшиеся после смерти отца бумаги в фонд Императорской публичной библиотеки [В память ..., 1872, с. I]. Однако известно, что Елизавета умерла еще в ноябре 1799 года, тогда как часть писем написана уже после 1799 года и, очевидно, принадлежать ей не может. Письма, вероятно, были написаны ее младшей сестрой Марианной, которая после смерти сестры чаяла занять ее место рядом со Сперанским. Корф отмечает, что «она захотела непременно занять место умершей своей сестры, т. е. сделаться женою Сперанского, что давало беспрестанно повод к самым неприятным сценам и с нею и с ее матерью, потворствовавшей ее планам, а с другой стороны — к разным предосудительным толкам в их кругу и вне его» [Корф, 1861, с. 272]. С точки зрения русской традиции данное поведение рассматривалось в окружении Сперанского как предосудительное, однако для англичан стремление Марианны занять место сестры было вполне приемлемым и даже очевидным. Так, следующее письмо от 22 июня 1800 года, вероятнее всего, принадлежит именно Марианне Стивенс:

«Прошу прощения, тысячу раз прошу меня простить, мой глубокоуважаемый друг, что я так поздно сообщаю вам вести о вашей дорогой дочери. Хотя я и оказалась права, что отложила это до конца недели, чтобы доставить вам удовольствие следующей новостью.

Сегодня утром я была у нее и, вместо того, чтобы увидеть маленькую милостивую девочку, достаточно скромную и спокойную, я встретила перепачканного, озорного мальчишку, маленького савояра. Обвешившись чернотлива, она испачкала все лицо самым забавным образом, ее костюм был таким же черным. Одним словом, хоть картину пиши. Все, что она

делает — неслыханно; когда-то мы должны были ее развлекать, а сейчас она делает это сама. Когда ставишь ее на кровать, она тут же падает с нее очертя голову и залиvisto смеется, а потом заставляет повторять этот трюк снова и снова. В том представлении не хватает только вас. В целом она ведет себя хорошо. Я, как всегда, водила ее посмотреть на курочек, ее маленьких протее. Она подзывала их к себе своей детской ручкой с таким серьезным лицом — очень смешно.

На самом деле, мой дорогой и высокоуважаемый друг, хотя вас уже не назвать нежным словом «муж», у вас остается такое же мягкое слово «папа», а также уверенность в том, что вас любят очень сильно, и не на красивых словах, а всем сердцем.

Сможет ли она составить счастье ваших дней, которое вы так хотите испытать? Сможет ли осуществить все ваши самые дорогие ожидания? Что до меня, я всегда буду любить ее, как люблю вас, чтобы однажды она скрепила цементом те ниточки, что связывают меня с вами, и чтобы вы полюбили меня еще сильнее. До свидания, всего наилучшего, ваша...» [РНБ, ф. 731, ед. хр. 2171, л. 2].

Марианне вместе с матерью пришлось вернуться из Вены, чтобы помочь Сперанскому с маленькой Лизой. В 1802 году Марианна вышла замуж за Константина Васильевича Злобина (1779—1813), но этот брак не принес счастья супругам, хотя Марианна сумела вызвать симпатию у отца Злобина, своего свекра, Василия Ивановича. Он был близок со Сперанским и долгое время оказывал финансовую поддержку Марианне, даже когда ее отношения с его сыном были окончательно расстроены. В письме от января 1804 года она пишет Сперанскому:

«Уже очень давно я думала, мой дорогой друг, о том, что вам нужно создать небольшой фонд во избежание всяких сюрпризов судьбы.

Первой моей идеей было пустить в оборот для вашей прибыли капитал, который я бы предложила поместить в фонд Роверри: но, тщательно продумав этот проект, я нашла его немного сложным. Поэтому я решила понемногу сформировать для вас капитал из моих личных средств, который бы принадлежал вам как абсолютная и исключительная собственность вас и ваших потомков. Эта идея осуществилась, и в конце этого года фонд, о котором я вам только что говорила, увеличился до 5000 (?), я оставляю их здесь в качестве отложенного долга на два года. Вы сможете распорядиться ими, как вам заблагорассудится. Я бы на вашем месте поместила эти деньги или к господину, или к Роверри, или к Бержбену. Ваш доход будет составлять как минимум 500, если только вы не захотите пустить их в спекулятивные операции, чего я бы вам не советовала.

Оказывая вам эту услугу, я радуюсь только от мысли, что, что бы со мной ни случилось и даже если я умру, вы сможете сохранить состояние благодаря этому доходу.

Зная ваши умеренные вкусы, могу быть уверена в том, что они обеспечат вашу независимость, если вы решите обосноваться в одной из лучших провинций России.

Мне нет необходимости убеждать вас в том, что это мера предосторожности против превратностей судьбы, ведь пока я жива, мое состояние — это и ваше состояние тоже.

Также я слышала, что дело зеленого корабля продвигается в том же духе, и если оно что-то принесет (в чем я сомневаюсь), то перейдет к вам без промедления.

Остаюсь вашим другом, никому ничего не говорите.

Суббота» [Там же, ед. хр. 1943. лл. 1—2].¹

Около 1811 года Сперанский купил дом близ Новгорода, небольшое имение Великополье, частично на свои средства, а частично на деньги Марианны, которые были даны ей ее свекром Злобиным [Корф, 1861, с. 282]. Сама Марианна умерла зимой 1812 года, оставив на попечение семейству «воспитанную ею девочку Анюту» [Корф, 1861, с. 282], что впоследствии породило слухи о том, что отцом ее был сам Сперанский.

4. Заключение

Таким образом, брак М. М. Сперанского с Элизабет Стивенс и его последующие отношения с семейством покойной супруги являют собой пример «частного» в англо-русских связях в конце XVIII — начале XIX веков. Все женщины семейства Стивенс, начиная с матери, были высокообразованными особами по меркам того времени и впоследствии связали свою жизнь с Российской империей. Среди писем к Сперанскому в его фонде хранятся не только письма Элизабет, но и письма ее сестры. Несмотря на то, что некоторые исследователи биографии Сперанского рисуют образ Марианны как достаточно легкомысленной девушки, вознамерившейся занять место своей старшей сестры, ее письма свидетельствуют о зрелости ее жизненной позиции и теплых чувствах к Сперанскому. Сама переписка в этот период велась на французском языке, хотя изучение рабочих бумаг Сперанского начала XIX века показывает, что он владел английским языком наряду с французским. При этом до знакомства с Элизабет Сперанский английского не знал и тяготился зваными вечерами у Самборского,

1 Перевод писем с французского языка выполнен Дворниковой Юлией Вячеславовной, студенткой 3 курса кафедры зарубежного регионоведения УрФУ.

где было много англичан. Также обращает на себя внимание тот факт, что в англо-русских браках чаще всего встречаются браки русского и англичанки, а не наоборот. При этом русские оказались гораздо больше втянутыми в культурный контекст британской действительности, стремились перенять английский образ жизни и ближе познакомиться с политической системой Великобритании. Трагическая ранняя смерть супруги оказала сильнейшее влияние на последующую жизнь Сперанского, окрашенную меланхолией, однако успешно обращенную в активную созидательную деятельность на ниве государственной службы. Перспективы исследования видятся в дальнейшем восстановлении сведений о сети «англоманов» среди русских интеллектуалов на рубеже XVIII—XIX веков.

Источники и принятые сокращения

1. РНБ — *Российская* национальная библиотека. Ф. 731. Ед. хр. 1934. Л. 1, Л. 2; Ед. хр. 2. Письмо о заключении брака на имя императора Павла I (25 октября 1798). Л. 5; Ед. хр. 2171. Л. 10; Ед. хр. 2171. Л. 2, Л. 9—10; Ед. хр. 2323. Л. 1, Л. 3; Ед. хр. 894. 37 лл.; Ед. хр. 898. Л. 1; Ед. хр. 899. Л. 1—2; Ф. 731.2. Л. 2.
2. *Hervey J. Meditations and Contemplations* / J. Hervey. — London : John and James Rivington, 1748. — Vol. I. — 197 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. / В. Н. Александренко. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1897. — Т. 1—2. — 25 с.
2. *В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1872* / под редакцией А. Ф. Бычкова. — Санкт-Петербург : Имп. Публ. б-ка, 1872. — 855 с.
3. *Высокова В. В.* Частное и публичное в англо-русских отношениях конца XVIII — начала XIX века / В. В. Высокова, А. Ю. Ануфриева // Россия и Британия. — Москва, 2006. — Выпуск 4 : Связи и взаимные представления XIX—XX века. — С. 316—337.
4. *Зорин А. Л.* Разлука с семьей в 1797 г : двойная идентичность Михаила Муравьева [Электронный ресурс] / А. Л. Зорин // НЛО. — 2011. — № 4. — Режим доступа : https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/110_nlo_4_2011/article/18362/
5. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского / М. А. Корф. — Санкт-Петербург : Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. — Т. 1. — 283 с.
6. *Кросс Э.* У темзских берегов : Россияне в Британии в XVIII в. / Э. Кросс. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — 388 с.
7. *Лабутина Т. Л.* Британцы в России в XVIII веке / Т. Л. Лабутина. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. — 352 с.
8. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Ф. Ф. Мартенс. — Санкт-Петербург : Тип. М-ва Путей Сообщения (А. Бенке), 1710—1801. — Т. 9 (10). Трактаты с Англией. — 563 с.
9. *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. Конец XVIII — первая половина XIX веков / Н. В. Минаев. — Москва : Собрание, 2009. — 341 с.

10. *Соколов А. Б.* Навстречу друг другу : Англия и Россия в XVI—XVIII вв. / А. Б. Соколов. — Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1992. — 300 с.
11. *Томсинов В. А.* Судьба реформатора, или Жизнь Сперанского / В. А. Томсинов. — Москва : Издательство «Норма», 2003. — 272 с.
12. *Южаков С. Н.* М. М. Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк / С. Н. Южаков. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1892. — 88 с.
13. *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / К. Юханнисон. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 320 с.
14. *Cross A.* By the banks of Neva / A. Cross. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — 474 p.
15. *Parisot E.* The Work of Feeling in James Hervey’s Meditations among the Tombs (1746) / E. Parisot // *Parergon*. — December 2014. — Vol 3, № 2. — Pp. 121—135.
16. *Reddy W. M.* The navigation of feeling : A Frame-work for the History of Emotions / W. M. Reddy. — New York : Cambridge University Press, 2001. — 380 p.
17. *Rosenwein B. H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages / B. H. Rosenwein. — Ithaca : Cornell University Press, 2006. — 248 p.
18. *Solodyankina O.* Cross-Cultural Closeness : Foreign Governess in the Russian Empire, 1700—1850 / O. Solodyankina // *Early Professional Women in Northern Europe, 1650—1850*. — London : Routledge, 2018. — Pp. 217—243.

“TRACES OF MY TEARS WILL REMAIN ON THIS PAPER ...”: LETTERS FROM ELIZABETH STEPHENS TO M. M. SPERANSKY¹

© **Kseniya A. Sozinova (2020)**, orcid.org/0000-0002-6980-5881, PhD in History, senior lecturer Department of Foreign Region Studies, Ural Institute for Humanities, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), k.a.sozinova@urfu.ru.

The author of the article assumes that the interstate relations between Russia and Great Britain in the late 18th — early 19th centuries largely determined the area of private contacts between Russians and the British. English-Russian marriages have a special place in the history of English-Russian relations. Attention is paid to one of such unions — the marriage of the outstanding statesman M. M. Speransky with an Englishwoman Elizabeth Stephens. It is claimed that a significant role in Speransky’s fate was played by A. A. Samborsky, also married to an Englishwoman, in whose house Speransky’s fateful meeting with his future wife took place. It is reported that the Speransky Fund of the Russian national library preserved letters of Elizabeth Stephens to Speransky, previously not widely attracted by researchers, but not all of these letters actually belong to Elizabeth, some of them belong to her sister — Marianne. This study provides the first translation of these letters for the analysis of Speransky’s private

¹ The study is supported by the RSF grant (project № 19-18-00186 “Culture of the spirit” vs “Culture of the Mind”: Intellectuals and Power in Britain and Russia in the era of Change (17th—18th centuries”).

life. The author concludes that the preserved correspondence meets the standards and methods of expression of feelings in the era of "sentimentalism." The problem of how much Speransky was immersed in the cultural context of British reality due to this marriage is also considered. Despite the fact that the marriage was quite short, Speransky's relations with the Stephens family were quite strong.

Key words: history of Russia; history of Great Britain; English-Russian marriages; M. M. Speransky; A. A. Samborsky; Elizabeth Stephens; Marianna Stephens; history of everyday life.

MATERIAL RESOURCES

Hervey, J. (1748). *Meditations and Contemplations*. London: John and James Rivington, I.
 RNB — *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka*. F. 731. Ed. khr. 1934. L. 1, L. 2; Ed. khr. 2. *Pismo o zaklyuchenii braka na inya imperatora Pavla I (25 oktyabrya 1798)*. L. 5; Ed. khr. 2171. L. 10; Ed. khr. 2171. L. 2, L. 9—10; Ed. khr. 2323. L. 1, L. 3; Ed. khr. 894. 37 ll.; Ed. khr. 898. L. 1; Ed. khr. 899. L. 1—2; F. 731.2. L. 2. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleksandrenko, V. N. (1897). *Russkiye diplomaticheskiye agenty v Londone v XVIII v., 1—2*. Varshava: Tipografiya Varshavskago uchebnago okruga. (In Russ.).
- Cross, A. (1996). *By the banks of Neva*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Korf, M. A. (1861). *Zhizn' grafa Speranskogo, 1*. Sankt-Peterburg: Izdaniye Imperatorskoy publichnoy biblioteki. (In Russ.).
- Kross, E. (1996). *U temzskikh beregov: Rossiyanе v Britanii v XVIII v.* Sankt-Peterburg: Akademicheskii projekt. (In Russ.).
- Labutina, T. L. (2013). *Britantsy v Rossii v XVIII veke*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Martens, F. F. (1710—1801). *Sobraniye traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiyei s inostrannymi derzhavami, 9 (10)*. Sankt-Peterburg: Tip. M-va Putey Soobshcheniya (A. Benke). Traktaty s Angliey. (In Russ.).
- Minayeva, N. V. (2009). *M. M. Speranskiy v vospominaniyakh sovremennikov. Konets XVIII — pervaya polovina XIX vekov*. Moskva: Sobraniye. (In Russ.).
- Parisot, E. (December 2014). The Work of Feeling in James Hervey's Meditations among the Tombs (1746). *Parergon*, 3 (2): 121—135.
- Reddy, W. M. (2001). *The navigation of feeling: A Frame-work for the History of Emotions*. New York: Cambridge University Press.
- Rosenwein, B. H. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press.
- Sokolov, A. B. (1992). *Navstrechu drug drugu: Angliya i Rossiya v XVI—XVIII vv.* Yaroslavl': Verkhne-Volzhskeye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Solodyankina, O. (2018). Cross-Cultural Closeness: Foreign Governess in the Russian Empire, 1700—1850. In: *Early Professional Women in Northern Europe, 1650—1850*. London: Routledge. 217—243.
- Tomsinov, V. A. (2003). *Sudba reformatora, ili Zhizn' Speranskogo*. Moskva: Izdatelstvo «Norma». (In Russ.).
- Yuzhakov, S. N. (1892). *M. M. Speranskiy. Ego zhizn' i obshchestvennaya deyatelnost'*. Biograficheskiy ocherk. Sankt-Peterburg: Tip. t-va «Obshchestv. Polza». (In Russ.).

- Yukhannison, K. (2019). *Istoriya melankholii. O strakhe, skuke i chuvstvitelnosti v prezhiye vremena i teper'*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- V pamyat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772—1872.* (1872). Sankt-Peterburg: Imp. Publ. b-ka. (In Russ.).
- Vysokova, V. V., Anufriyeva, A. Yu. (2006). Chastnoye i publichnoye v anglo-russkikh ot-nosheniyakh kontsa XVIII — nachala XIX veka. *Rossiya i Britaniya, 4: Svyazi i vzaimnye predstavleniya XIX—XX veka.* Moskva. 316—337. (In Russ.).
- Zorin, A. L. (2011). Razluka s semey v 1797 g.: dvoynaya identichnost' Mikhaila Muravyeva. *NLO, 4.* Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/110_nlo_4_2011/article/18362/. (In Russ.).